

—

Как и ожидалось, на полпути они почувствовали хвост. Тени машин то и дело мелькали позади — искусство слежки было на высоте, но от находящихся в салоне людей ничего нельзя было укрыть. Не говоря уже о Янь Чангэ, даже опытные спецназовцы без труда распознали слежку.

«Капитан, — доложил один из бойцов, — они, похоже, не собираются идти на таран или захват, просто висят на хвосте».

«Конечно, не собираются. Никто из них не уверен, передал ли Цюй Хуэй точный адрес. Перебить всех сейчас — не выход. Им выгоднее дожидаться, пока мы найдем улики, а потом напасть, чтобы отобрать или уничтожить их», — ответил командир спецназа. — «Хоть мы и уверены, что защитим груз, это назойливое сопровождение начинает раздражать».

«Не спешите к тайнику. Поводите их кругами, выезжайте на открытое пространство», — произнес Янь Чангэ. — «Чем вступать в перестрелку над самими документами и рисковать их сохранностью, лучше разобраться с этими назойливыми насекомыми в безлюдном месте. Капитан Шэнь, будьте добры, подберите подходящую площадку для «дезинсекции»».

Шэнь Ифэй немедленно связался с дорожной полицией, чтобы те выставили кордоны вокруг деревни Фэн. Это было единственное место в окрестностях Линьчэна, не тронутое застройкой — глухомань, где почти никто не жил. Неудивительно, что и бандиты, и полиция любили эти края. В конце концов, даже Янь Чангэ проспал здесь несколько веков.

Деревня Фэн, пожалуй, была настоящим «местом силы» для разного рода темных делишек.

Когда машины замерли в назначенном месте, все вышли и для вида принялись копать. Вокруг расстилалась пустота, наступила ночь. Преследователи не решались подгонять машины близко и не включали фары. Им оставалось лишь ползком пробираться в темноте, прячась в низинах и скрытно наблюдая за полицейскими.

«...Нашли... немедленно... возвращаемся... арестовать...» — донеслись нечеткие обрывки слов Шэнь Ифэя.

Полтора десятка обученных наемников-смертников переглянулись, кивнули друг другу и метнули в сторону Шэнь Ифэя гранаты. Их целью было уничтожение — ломать всегда проще, чем строить.

Но гранаты пролетели лишь половину пути. Некто с деревянным шестом в руках, словно бейсболист, отбил их обратно. Смертоносные гости взорвались прямо посреди нападавших.

Цюй Хуэй стоял с тяжелым шестом в руках, спокойно глядя на то, как банда отчаянных головорезов разлетается в стороны, пытаясь укрыться от собственных взрывов.

Янь Чангэ, собиравшийся вступить в бой, слегка замер и обратился к Цюй Хуэю: «Твое мастерство действительно впечатляет. На съемках шоу «Мастера боевых искусств» я встречал наследников великих кланов, они были неплохи. Но ты... ты, кажется, на голову выше их всех».

Цюй Хуэй с детства обучался каноническим техникам. Не случись той трагедии, он стал бы выдающимся мастером, подобно Лю Тяньюню или Ли Чэньи — честным, прямолинейным, с острым и чистым стилем.

Однако ранняя смерть родителей и десять лет в кровавом аду подпольных рингов изменили его. Его «меч» не заржавел — он стал еще острее и приобрел пугающую решительность. Объединив воспоминания, Цюй Хуэй полностью усвоил опыт десяти лет выживания и древнюю школу предков. Несмотря на молодость, его уже можно было причислить к мастерам первого ранга.

«Цюй Хуэй, — внезапно сказал Янь Чангэ, — твой стиль хорош, и ты — член семьи Цюй, а значит, достоин этого клинка. Деревянная палка не спасет от шквала свинца. Возьми меч. Не бойся его повредить — когда-то его называли первым божественным оружием (или величайшим злом), он сокрушает всё и не знает поражений».

С этими словами он достал откуда-то меч без ножен и бросил его Цюй Хуэю.

Тот знал, насколько остер этот клинок. Ошибись он на сантиметр при приеме — и руку бы просто отсекло одной лишь аурой меча. Но он не отступил. Прыгнув, он перехватил рукоять в воздухе.

Янь Чангэ и был воплощением древнего меча Чангэ. Цюй Хуэй помнил, как тот упоминал, что выковал этот артефакт из части собственного тела — точную копию своей истинной формы.

Едва рука коснулась эфеса, Цюй Хуэй почувствовал, как ледяной холод пронзил ладонь и ударил в самое сердце. Не меняясь в лице, он направил внутреннюю силу в руку, и колючая стужа слегка отступила. Чтобы владеть таким оружием, нужна была соответствующая мощь. Обычный человек не совладал бы даже с энергией, проникающей в тело, и рано или поздно стал бы жертвой собственного клинка.

Тем временем бандиты пришли в себя. Взрыв собственных гранат нанес им урон, и они перешли на огнестрельное оружие.

Перед лицом пуль, летящих со всех сторон, Цюй Хуэй не дрогнул. Сжимая меч, он мысленно возвращался к базовой технике семьи Цюй. Это был первый стиль, который восстановил Янь Чангэ — «Разбей Листья, Защити Цветок». Суть его заключалась в том, что точность движений позволяла срезать все листья с ветки, не задев при этом сам бутон.

Это была лишь основа, но именно в ней заключалась вся суть их школы.

Меч семьи Цюй рубит листья только для того, чтобы защитить цветок.

На ринге Цюй Хуэй использовал приемы, изученные в беспамятстве. Лишь в моменты смертельной опасности он инстинктивно переходил на фамильные стили, но то были сложные связки. Простую базу, которую знает каждый ученик, он не применял никогда.

Он не практиковал этот стиль десять лет, но в его движениях не было заминки — только светлая грусть. В детстве он мечтал поскорее закончить с азами и перейти к «настоящим» секретам. Отец тогда лишь качал головой, повторяя, что фундамент важнее всего.

Спустя годы Цюй Хуэй наконец осознал мудрость отца.

Начало пути — самое простое и одновременно самое глубокое. Базовый стиль легче всего выучить, но труднее всего довести до совершенства. В нем — само сердце: защита семьи, защита справедливости, защита чести. Не прочувствовав это, невозможно достичь предела.

Одиннадцать лет назад, защищая Цюй Ляня, он лишь коснулся порога этого понимания —

именно поэтому смог выжить под градом ударов наемников. Потом был плен, но, как оказалось, десять лет на ринге его подсознание ежесекундно оттачивало эту суть.

Пули летели дождем, но Цюй Хуэй закрыл глаза. Он двигался легко, словно тренировался в родном дворе. Пули были листьями, его правда — цветком. Чтобы спасти цветок, нужно отсечь всё лишнее.

Он буквально танцевал в воздухе. Казалось, он машет мечом небрежно, но ни одна пуля не могла пробить его защиту. Неизвестно, из чего был сделан клинок, но пули с огромной пробивной силой, способные прошить сталь, при столкновении с ним просто рассыпались в прах.

Остальные бойцы лишь прикрывали его. В одиночку противостоять банде с огнестрельным оружием и подавлять её — это было за гранью человеческих возможностей.

Шэнь Ифэй только диву давался:

«Смотрите и учитесь! Вот его стиль, его оружие — вот к чему вы должны стремиться. И перестаньте использовать мотоциклы как средство атаки! Для нормальных людей это транспорт, а не дубина!»

Янь Чангэ бросил на капитана короткий взгляд. Тот вздрогнул и заискивающе улыбнулся: «Э-э... а ты сам не хочешь вмешаться?»

Лицо Янь Чангэ оставалось бесстрастным: «Сила одного человека ограничена. Чтобы изменить имидж мастеров боевых искусств в глазах народа, одного меня мало. Новый облик Ассоциации должен коваться усилиями всех честных воинов. Я не могу всегда тянуть внимание на себя. Ассоциация Линьчэна — это команда, а не театр одного актера».

«Да ты уже распоряжаешься в этой Ассоциации как у себя дома, хотя приговоры еще не вынесены...» — подумал Шэнь Ифэй, но промолчал, отвернувшись. Даже начальник Сюй после разговоров с Янь Чангэ обычно хватался за сердце, жалуясь на «талантливую молодежь», и шел штудировать политические сводки. Лучше просто помалкивать.

Техника Цюй Хуэя достигла пика человеческих возможностей. Благодаря остроте Чангэ он выдержал шквал огня, пока у наемников не закончились патроны. Враги были вынуждены пойти на сближение для рукопашной.

Это были элитные смертники, обученные кланами и Ассоциацией. Они использовали препараты, сжигающие жизненные силы в обмен на мгновенный скачок мощи. Когда-то Цюй Янь погиб от их рук именно потому, что эти люди под наркотиками не чувствовали боли и усталости.

Такие противники страшнее пуль. Пуля летит по прямой, а человек — живой и непредсказуемый.

На Цюй Хуэя набросились полтора десятка накачанных наркотиками мастеров. Он начал уставать. Когда отравленный синеватый кинжал уже готов был полоснуть его по руке, Янь Чангэ вмешался.

Никто не заметил, как он оказался в центре схватки. Он влетел в круг, словно стрела. В руках у него был какой-то полукруглый предмет, которым он изящно отбил ядовитый клинок.

Следом Янь Чангэ достал другой — прямоугольный — предмет и с силой припечатал его к затылку одного из наемников. Тот рухнул замертво. Затем Янь Чангэ метнул этот прямоугольник. Тот начал описывать дуги вокруг Цюй Хуэя, с хирургической точностью попадая наемникам в головы. Отскакивая от одного черепа, снаряд летел в следующий.

Действуя по принципу рикошета, этот «артефакт» один за другим вырубил всех восемнадцать наемников. В конце концов, под действием силы ударов, предмет разлетелся вдребезги. И только в этот момент присутствующие поняли, что это был обычный кирпич.

Цюй Хуэй с бесценным мечом Чангэ в руках: «...»

Бойцы со спецсредствами и автоматами: «...»

Лишь капитан Шэнь, потирая поясницу, не стоял столбом. Он издал долгий, полный облегчения вздох. В этот раз оружие, выбранное Янь Чангэ, оказалось на редкость привычным и надежным!

—

<http://bllate.org/book/14517/1285759>